

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От составителя</i>	7
НЕРЧИНСКАЯ КАТОРГА.	
Из «Воспоминаний»	9
В Алгачинской тюрьме	12
Акатуйская тюрьма	18
В Мальцевской тюрьме	82
Кадаинская тюрьма	95
Доклад о каторге	100
В Читинской пересыльной тюрьме	119
Снова Мальцевская тюрьма	132
Алгачинская тюрьма	191
В Кадаинской тюрьме	197
Мальцевская тюрьма	201
Зерентуйская тюрьма	204
Доказательство воскресения Христа	209
Нерчинский завод	253
В Верхнеудинской тюрьме	255
В Читинской тюрьме	261
Вновь Алгачинская тюрьма	272
В Верхнеудинске	279
Из «Виденного и пережитого»	289
Читинская тюрьма	291
Семинарист-убийца	292
Старообрядец	295

Инженер-святоотатец	298
Одессит-разбойник	302
Избранник Божий	306
Покаяние арестантки	310
Религиозный арестант	313
Али-мусульманин	317
Красавец-клептоман	323
Сектант	324
Священник-казнокрад	330
Юный террорист	332
Нерчинская каторга	
Заступник несчастных	334
Лютеранин	336
Ссылный мулла	345
Покаяние убийцы	346
Исповедь перса-магометанина	348
Вор-послушник	351
О злодее-начальнике	353
Молдаванин-отцеубийца	360
Офицер-предатель	361

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящее издание продолжает публикацию наследия архимандрита Спиридона (Кислякова; 1875–1930), начатую недавно переизданием его «Исповеди священника перед Церковью»^{*} и выпуском сборника «Я хочу пламени»^{**}. В предисловиях к этим изданиям (а также в посвященных о. Спиридону главах фундаментальной биографии его ученика и последователя свящ. Анатолия Жураковского^{***}) заинтересованный читатель найдет биографические сведения об этом замечательном пастыре, миссионере и проповеднике. Очень значимым этапом в судьбе о. Спиридона оказались годы его служения в качестве тюремного проповедника, а вскоре — и священника (он принял монашество и священный сан как раз во время своего тюремного служения). В эти годы, в своих постоянных поездках по тюрьмам, рудникам и ссылкам, входившим в систему самой страшной российской каторги — Нерчинской, он столкнулся с неимоверным человеческим грехом, горем и страданием. Этот опыт навсегда остался с ним и, несомненно, в немалой степени сформировал его драматическое мировосприятие.

В наш сборник мы включили фрагменты из воспоминаний о. Спиридона, посвященных этому периоду его жизни (самое начало 1900-х годов). Первая часть, ранее в полном виде не публиковавшаяся, представляет собой самый развернутый раздел его недавно обретенных «Воспоминаний» (история этого текста описана в предисловии к книге «Я хочу пламени»). Вторая же часть печатается по уже известной книге воспоминаний о. Спиридона «Из виденного и пережитого», опубликованной в киевском журнале «Христианская мысль» за 1917 год (под редакцией проф. В. И. Экземплярского^{****}). Интересно, что эти тексты, относящиеся к одному периоду, практически никак не совпадают друг с другом. Если «Воспоминания» посвящены в первую очередь рассказу о. Спиридона о своих беседах и проповедях заключенным (и целиком

* *Спиридон (Кисляков), архим.* Исповедь священника перед Церковью. М., 2018.

** *Он же.* Я хочу пламени! Жизнь и молитва. М., 2019.

*** *Проценко П. Г.* К незакатному Свету : Анатолий Жураковский : пастырь, поэт, мученик, 1897–1937. М., 2017.

**** Печатается по: *Спиридон (Кисляков), архим.* Из виденного и пережитого : Воспоминания проповедника-миссионера. М. : Новоспасский монастырь, 2008.

включают в себя немалое их количество), то две «каторжные» главы книги «Из виденного и пережитого» содержат примечательнейшую галерею портретов людей, которых о. Спиридону довелось встретить на каторге.

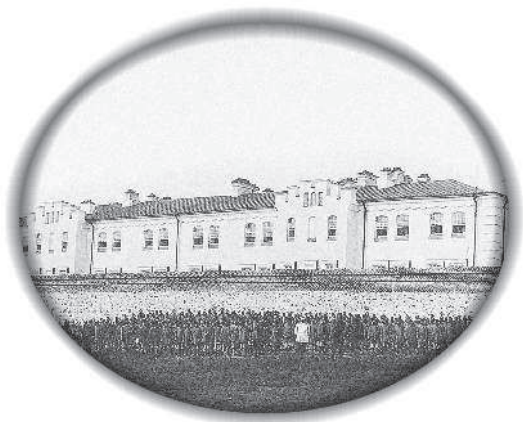
Сейчас, когда готовится полная публикация и «Дневника» о. Спиридона (или текста, условно называемого «Дневником»), и его «Воспоминаний», читатель сможет получить полноценное представление о столь важном и значимом для о. Спиридона периоде его жизни.

Подзаголовки и разбиение на главки в первой части принадлежат, как правило, составителю (за исключением нескольких случаев), во второй части составителем даны названия главкам.

Прекрасными иллюстрациями к текстам о. Спиридона стали фотографии из альбома «Типы и виды Нерчинской каторги» (74 фотоснимка, сделанные в июле 1891 года Алексеем Кирилловичем Кузнецовым (1845–1928), бывшим политзаключенным, поселившимся после окончания каторжного срока в Нерчинске). Данный альбом хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

ИЕРЧИНСКАЯ КАТОРГА

ИЗ «ВОСПОМИНАНИЙ»

С Нерчинской каторгой* я познакомился при следующих обстоятельствах: в один из дней нашего хождения скрестным ходом по Забайкальской области мы пришли в поселок Кадаинский, где находится каторжная тюрьма. Местное тюремное начальство нас попросило отслужить молебен. Мы отслужили, и здесь я произнес слово. Администрации и арестантам оно понравилось. По окончании крестного хода мы вернулись в Читу. Здесь у епископа уже лежали прошения от всех тюрем всей каторги, чтобы он послал меня к ним с проповедью. Я в скором времени туда и отправился.

* Управление Нерчинской каторгой, подчиненное Министерству внутренних дел (ранее каторга находилась в ведении начальника Нерчинских заводов) учреждено в 1869 г. Ссылнокаторжные поступали в Сретенскую пересыльную тюрьму, где распределялись по каторжным тюрьмам трех административных районов — Алгачинского (Акатуевская, Алгачинская, Покровская тюрьмы), Зерентуйского (Зерентуйская, Кадаинская, Кутомарская, Мальцевская), Карийского (Усть-Карийская, Среднекарийская и Нижнекарийская; последние две закрыты в 1890 году). Политические каторжане после 1890 г. были сосредоточены в Акатуевской тюрьме.

В Алгачинской тюрьме

В 1895 году, в первых числах октября, в один из дней утром я сел на поезд и отправился на Нерчинскую каторгу. На второй день вечером я уже был в Алгачинской тюрьме. По приезде моем в эту тюрьму я тотчас приступил к своему делу. Я попросил начальника тюрьмы, чтобы он собрал узников в церковь. Арестанты не заставили долго ждать себя. Через десять минут они все уже стояли в церкви. Наступила минута, когда я стал на амвон и начал им говорить следующее:

— Кто здесь своими долголетними стонами потрясает землю? Кто здесь своими отчаянными неутешными воплями и страданиями колеблет небеса? Кто здесь своими проклятиями омрачает всю историю человечества и без слов клеймит несмываемым позором культуру и цивилизацию? Не вы ли это, несчастные узники, жалкие плоды современной, извращенной всякими пороками, соблазнами и беззакониями общественной жизни, каторжане? Не вы ли это, представляющие из себя ярко выпуклую лицевую сторону лжехристианской жизни всего христианского мира? Не вы ли это, верные показатели постыдного неверия всего христианства в отношении Самого Христа и открытой заменой Его для себя своим земным мирским Христом? О, печальная действительность! Нет сомнения, что, действительно, среда во всем отображает себя, а в человеке она вся целиком не только отображается, но и воплощается без всякого в себе остатка. Вот зачатие ребенка, вот его рождение, вот и его воспитание: все эти главные этапы человеческой жизни не освящаются Христовой евангельской святостью, в них нет места Христу. В них находится одна лишь похоть плоти, одна лишь греховная естественность, одна лишь адская тьма — ребенок в когтях сатаны. С самого момента зачатия младенца диавол уже дышит на него... Он становится его жалкой игрушкой. Родители, родные, близкие своею грешною жизнью отпечатывают

на нем свои пороки и из своих таковых пороков и преступлений создают в нем характер, предрасположенный только к одним страстям, к одним беззакониям: ребенок обречен на погибель... Перед ним уже с детства разверзается бездна самой его духовной смерти, он с минуты на минуту бессознательно, а потом и сознательно все ниже и ниже опускается в нее... По мере его схождения в эту бездну он лишается самой сопротивляемости в себе собственному своему падению... Наконец, достигает в своем падении таких глубин, с которых он уже становится явным открытым преступником... Казалось бы, из одной жалости к нему здесь и церковь, и государство должны были подать ему руку спасения; казалось бы, здесь должно выступить и естественное человеческое сострадание к нему (я уже не говорю о христианском), чтобы спасти его, чтобы не дать ему окончательно и безвозвратно погибнуть, но, увы! Здесь во всей силе и неумолимой жестокости выступает самая его изолгавшаяся человеческая справедливость, которая, несмотря на то, что она сама по себе является бесконечно преступнее того, кого она хочет судить и наказать за его преступления, она без всякой к нему жалости, без всякого уважения к его человеческой личности в нем, без всякого к нему сострадания, не считаясь ни с психологическими мотивами преступника, ни с непреодолимыми факторами пагубного воздействия на него со стороны окружающей его среды, она жестоко и неумолимо судит его, отрывает его от семьи, лишает его всяких человеческих прав, отнимает у него личную свободу, ввергает его в тюрьму, запирает его в четырехстенную с железной решеткой клетку, налагает на него всякого рода непосильную работу, низводит его на степень безгласного, вьючного, презренного животного, лишает его всякого человеческого достоинства, предает его душу и тело медленной, но мучительной смерти... О, если бы эта человеческая справедливость хоть на мгновение ока заглянула в душу этого злополучного несчастного виновника, в которого она жадно вонзает свои

когти и страстно впивается в него своими кровожадными губами, чтобы окончательно погубить его. О, что теперь в его душе происходит!!! О Боже, Ты, только Ты один все это знаешь!

Возлюбленные мои узники, я думаю, что и вы хорошо знаете, что в душе такого преступника происходит, когда эта человеческая справедливость со всею своею тяжестью ложится на него и с момента на момент все сильнее и сильнее давит его. (Арестанты сильно плачут). Я предполагаю, что вся душа этого несчастного в это время бывает сплошным невыносимо-тягостным, бездонно-глубинным, жгучим одиночеством. Я думаю, что все его существо в это время бывает в нем беспросветным, зловещим мраком, острым, болезненным сознанием своей обезличенности. Я представляю, что в это время его человеческая личность заживо умирает в его собственном сознании. О, в это время эта злополучная жертва хорошо осознает, что она низведена на степень абсолютного ничтожества... И вот эти три адских чудовища: одиночество, обезличенность и ничтожество человеческой личности — они беспрестанно жгут и терзают душу несчастного арестанта.

Здесь я невольно останавливаюсь. Я чувствую, что кто-то меня удерживает и громко мне шепчет: «Не смотри на арестантский халат, не взирай на их железные кандалы, в души их, в души загляни, поглубже загляни — и ты увидишь там нечто другое, ты увидишь там поле битвы. О, там сражается душа почти каждого здесь стоящего узника за волю и власть Христа над собою!»

— Кто же это такие радостные откровения шепчет мне? Милые мои узники, не знаете ли вы, кто подобные мысли вкладывает в мой дух? Я вас спрашиваю, мои друзья, ответьте мне на мой вопрос.

— Мы — христиане, мы веруем во Христа! — раздался голос среди арестантов.

За этим голосом вдруг вся церковь воскликнула:

— Мы веруем во Христа, мы хотим покаяться!

Типы и виды Деревянной архитектуры.

А. КУЗНЕЦОВЪ

Церковь Св. Николая на Средне-Карийском промысле.

ПЕРМИНСКЪ

Церковь Св. Николая на Средне-Карийском промысле

Титы и виды Нерчинской котормы.

А. КУЗНЕЦОВЪ

Кутомарскій серебряноплавильный заводъ съ восточной стороны.

Г. НЕРЧИНСКЪ

Кутомарский серебряноплавильный завод

Последовало сильное рыдание.

— Я думаю, что эта глубокая вера ваша в Спасителя нашего Иисуса Христа так неотвязчиво нашептывает мне подобные мысли. Я думаю, что ваша любовь к Нему влагает в мою душу такие чувства... О, мои милые узники, прошу и молю вас: оглянитесь на всю свою жизнь и посмотрите, что мир и Христос с вами доселе делают. Мир с самого вашего детства беспощадно губит вас, он смакует все ваши страдания; ваши муки доставляют ему величайшее злорадство над вами. Не то Христос. Для Христа каждый из вас — неопенимая цена Его Святейшей Крови... Для Него каждый из вас есть сын Божий, всегда могущий унаследовать Царство Божие путем покаяния того же самого благоразумного разбойника, который немногими словами, точно золотым ключом, открыл для себя Царство Небесное. Для Христа вы — Его самое дорогое создание, для него вы — священники и цари Господни, для Него вы, наконец, предмет Его безграничной любви к вам. Теперь позвольте еще один раз спросить всех вас: за кем пойдете вы — за Христом или за тираном-миром?

Арестанты все, как один, закричали:

— За Христом! За Христом!

Я закончил проповедь и сошел с амвона. Плач арестантов все еще продолжался. По выходе же моем из церкви арестанты внимательно с ног до головы осматривали меня.

На душе у меня было радостно. Я отправился к начальнику тюрьмы на квартиру. Начальник сказал мне:

— Плачут, подлецы, а не исправляются!

— Внутренний переворот в человеке бесконечно труден, это не машина, — ответил я.

Помощник начальника:

— Первый раз вижу, чтобы каторжане плакали.

Начальник:

— Вы, Георгий Степанович, уж очень панегиризовали

— Из-за человеческой их природы забыл, что они каторжане, — иронически сказал я.

— Так их лизать — пожалуй, залижешь их, — ехидно сказала бонна начальника.

Я ей ничего не ответил на это.

Был подан обед. По окончании обеда я отправился в тюрьму, чтобы ближе познакомиться с арестантами. Арестанты, встречая меня на дворе и в своих палатах, ничего мне не говорили, только удивленно смотрели и временами пыгливо, от ног до головы, измеряли меня. Обойдя все палаты, я направился на двор. Здесь я встретился с одним арестантом, который в упор смотрел на меня. Я уже хотел пройти мимо него, как тотчас этот арестант спросил меня, буду ли я еще им говорить проповедь. Я ответил, что буду.

После этого я вышел из тюрьмы и направился опять на квартиру начальника. По дороге я думал: что бы это значило, что арестанты не хотят со мной даже и разговаривать? Неужели у них такая дисциплина, чтобы с посторонними ничего не говорить? Может быть, это слово мое не было по сердцу им? Быть может, кто-то обо мне наговорил им что-нибудь нехорошее? Не могу объяснить их упорного молчания со мною.

* * *

Акатуйская тюрьма

Вечером того же дня я произнес им еще одно слово, в котором я доказывал, как необходимо им покаяться и окончательно исправиться, и начать новую жизнь. Арестанты слушали меня с еще большим вниманием, чем в первый раз. На следующий день я также произнес им две проповеди. В этот день ко мне на квартиру пришли три арестанта и выразили мне свою благодарность, и просили меня, чтобы я как можно чаще посещал их. Я очень был обрадован этим заявлением. Слава Богу, подумал я, что между мною и арестантами уже завязывается тесная дружба.

Наступил третий день; в этот день я произнес еще три слова и после сего вечером того же дня я отправился в Ака-туевскую политическую тюрьму. Не могу сказать, что, отправляясь из Алгачинской тюрьмы прямо в Акатуевскую, я чувствовал себя подготовленным. Меня особенно смущала мысль, что я во всем объеме в то время не знал социализма. Я не раз думал: уж не проехать ли эту тюрьму на этот раз? Так неопределенно и пугливо размышляя, я не заметил, как передо мною предстал во всем своем суровом величии и сам страшный для меня Акатуй. Делать нечего, подумал я, надо и здесь благовествовать слово Божие. При этой мысли я слез с повозки и направился на квартиру начальника тюрьмы. Начальник принял меня очень любезно.

На следующий день утром арестанты собрались в храме, где мною была произнесена следующая проповедь:

«Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33).

— Достолгобезные узники! Я не явился перед вами с тою целью, чтобы доказать вам всю страшную катастрофическую опасность социализма для всех стран и веков и всю его болезненную чреватость для всего человечества. Нет, я явился пред вами, чтобы вам, как мнящих себя быть борцами человеческой правды, напомнить, что кроме социализма есть еще всеми забытая бесконечно более жизненная программа человеческой жизни — это Евангелие... И вот ее-то одну я и предлагаю вам, чтобы вы, взявши сию небесную книгу, объективно и беспристрастно рассмотрели ее, как единую сущую бого-социальную программу всесовершенной абсолютной жизни и со всех сторон сравнили ее с экономическим материалистическим социализмом, из-за которого вы так беспощадно жертвуете собою не только каторге, но и самой смерти.

Послышались голоса:

— Мы то и другое сравнивали несколько раз — и ничего не получалось!

— Сравнивать Евангелие, как абсолютную жизненную программу человеческой общественной жизни